

ми. Иногда документ говорит гораздо красноречивее, чем самая изысканная его интерпретация. Хорошо понимая это и рассчитывая на подготовленность читателя к работе с источниками, авторы дают возможность услышать не только собственные голоса, но и голоса деятелей прошлого. Лучше понять их помогают многочисленные обстоятельные комментарии и ёмкое археографическое вступление.

Явления культуры, однажды возникнув, никогда не умирают. Они могут исчезать на время с поверхности культурного пространства, уходить в глубину, но рано или поздно снова пробиваются наверх. И профессорская культура, формировавшаяся в России на протяжении XIX в., рано или поздно снова проявит себя.

В.С. Парсамов

К.И. Шнейдер. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. 230 с.

Исследуя приключения российской общественной мысли, невозможно пройти мимо «раннего русского либерализма». Он, как показывает историографическая традиция, настолько трудноуловим для исследования, что достоин известного восклицания из «Клима Самгина». Поэтому многолетняя скрупулёзная разработка данной темы, одним из результатов которой является рецензируемая монография, заслуживает глубокого уважения. Поставив под законное сомнение регулярные попытки историков «омолодить» российский либерализм, объявив его развитие в XIX в. «ненастоящим» или, напротив, «состарить», ища его в XVIII в., К.И. Шнейдер заявляет своей целью «комплексное исследование раннего русского либерализма как единого интеллектуального феномена, сложившегося во второй половине 1850-х – первой половине 1860-х гг. и заложившего основы полноценной национальной либеральной традиции в России» (с. 16–17). В поисках «единого интеллектуального феномена» историк, опираясь на архивные личные фонды и опубликованные произведения авторов, отнесённых им к ранним российским либералам, последовательно обращается к проблемам происхождения русского либерализма, его ценностных приоритетов, программных установок и социокультурных особенностей в середине XIX в. Прежде чем охарактеризовать и оценить основные результаты исследовательских усилий Шнейдера, следует упомянуть о некоторых особенностях жанра

и стилистики его монографии, с которыми связаны как сильные стороны, так и некоторые недочёты труда пермского историка.

Следует учитывать, что в книгу Шнейдера вошли некоторые результаты пока еще не защищённого докторского исследования. Возможно, именно поэтому автор чаще всего формулирует свои идеи достаточно осторожно, а дискуссионные моменты, за несколькими исключениями, по возможности смягчает. В целом он адресует свою книгу узкому кругу экспертов, что вкупе с особенностями историографической ситуации и задачами исследователя превращает его работу, как уже заметила критика, в «историко-теоретическое изыскание, где на первом плане стоят задачи не описания, а концептуализации»¹.

Безусловно сильной стороной исследования Шнейдера является целенаправленная ориентация на англо-американскую традицию исследования русского либерализма. Автор прекрасно осведомлён о состоянии изучения предмета в Великобритании и США, чему, помимо прочего, содействовали его длительные выезды в США и интенсивные контакты с зарубежными учёными. Англо-американская традиция прослеживается и в терминологии (включая введение термина «ранний русский либерализм» вместо «дворянского» и многочисленных других либерализмов советской историографии), и в самом стиле работы Шнейдера (особенно при изложении основных её идей во введении). Безупречное ориентирова-

ние в успехах западных коллег обеспечивает ему известную автономию в борьбе с российскими историками за обладание символическим интеллектуальным капиталом, если воспользоваться терминологией П. Бурдьё.

Именно к социологическим построениям Бурдьё (а также социологов знания П. Бергера и Т. Лукмана) обращается автор в поисках методологического инструментария своего исследования. Однако представляется, что теория социального поля, по крайней мере, в изложении результатов изысканий, играет в его книге номинальную роль. Хотя словосочетание «поле производства идей» встречается в монографии довольно часто (иногда – даже слишком, например, на с. 76 – четыре раза!), этот конструкт представляется малоэффективной оснасткой, которую в тексте можно было бы легко заменить термином «общественная мысль».

Проблематичность использования Шнейдером теории поля Бурдьё связана с тем, что функционирование этого поля в работе представлено весьма фрагментарно, а именно лишь как сферы конкуренции между ведущими российскими либералами. Однако читатель не обнаружит в рецензируемой работе интерпретации раннего российского либерализма ни как «области столкновения профессиональных групп влияния», ни как «рыночного пространства интеллектуальных услуг» (с. 14–15). Несмотря на неоднократное упоминание в монографии «либеральной среды» и «либерального сообщества» (см., например, с. 129, 191, 199, 204), в изложении отсутствует и то, и другое. Вместо этого читатель встречает на страницах книги идеи двух либералов «первого плана» – К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, и пятерых «второго плана» – П.В. Анненкова, И.К. Бабста, В.П. Боткина, А.В. Дружинина, Е.Ф. Корша. Причём некоторые из критериев отнесения этих фигур к либералам проблематичны, в частности, «их самоидентификация в качестве либералов» и «восприятие их образа оппонентами “слева” и “справа”» (с. 50). Общеизвестно (и подтверждения этому есть в работе Шнейдера, см., например, с. 135), что слово «либерал» использовалось в русском языке до формирования собствен-

но русского либерализма и за пределами узкого политического дискурса с широкой палитрой значений от «великодушия» до «вольнодумства».

Таковыми словами, историко-теоретический, обобщающе-концептуализирующий акцент в монографии Шнейдера породил некоторый схематизм и статичность объекта исследования. В нём не обнаруживается динамика идей героев книги, которые писали и до середины 1850-х гг., и после середины 1860-х. Другими словами, «ахиллесова пята» рецензируемого труда – дефицит исторического контекста, вероятно, неизбежный в работе обобщающего характера, но нежелательный в исследовании исторического профиля.

Но свою главную задачу – создать целостную картину «единого интеллектуального феномена» – Шнейдеру, безусловно, удалось решить. Убедительно выглядит его предложение считать часом рождения раннего российского либерализма середину 1850-х гг. в связи с адаптацией в эти годы либеральных идей к конкретно-историческим условиям (в отношении России я не стал бы называть эти условия «национальными», как это предлагает автор, поскольку, во-первых, Россия была полиэтнической империей, а во-вторых, формирование наций в стране находилось в начальных фазах). Нельзя не согласиться и с тезисом исследователя о Чичерине как «отце-основателе» раннего российского «охранительного» либерализма, ориентировавшегося на эффективное соединение (ограниченной, или «разумной») свободы личности с сильным, активным государством и развивавшего тем самым идею «просвещённого абсолютизма» XVIII в. с помощью имплантации в неё либеральных ценностей.

Под пером Шнейдера воссоздаётся целостная система ценностных координат ранних российских либералов (индивидуализм и право собственности, образцы для российского развития в Европе) и их программных установок (включая исторические взгляды, политические и экономические предложения, в том числе по крестьянскому вопросу). Исследователю удалось усложнить картину ранней либеральной мысли и ослабить некоторые стереотипы, показав, например, последо-

вательный либерализм Чичерина в экономической сфере или отсутствие непреходимой границы между представлениями Кавелина и Чичерина о судьбах крестьянской общины по крайней мере в обозримой перспективе. Целостность образу раннего русского либерализма придаёт и глава, специально посвящённая его социокультурным особенностям. В частности, из неё явствует, во-первых, важность для либералов эстетической программы «чистого искусства» как варианта обретения свободы творчества, во-вторых, особый вес либералов «второго эшелона» в производстве либеральных идей и, в-третьих, известное разделение интеллектуального труда между российскими либералами разного «калибра».

Начав своё исследование с критики тех историков, которые «с линейкой в руках» сравнивают «национальную» модель раннего либерализма в России с устоявшимся (в головах исследователей?) западноевропейским каноном, Шнейдер в заключение своего исследования вновь возвращается к дискуссионной интонации: «Проще всего объявить русский либерализм середины XIX столетия “ненастоящим”, сославшись на его несхожесть с западным, каноническим, образом. Но в таком случае акцент в исследовании

генезиса национальной либеральной традиции будет перенесён из сферы изучения её особенностей в пространство бесполезного поиска очередного либерального клона» (с. 209).

Итак, на вопрос «а был ли мальчик?» К.И. Шнейдер с обоснованной уверенностью отвечает утвердительно. В этом видится существенный прорыв рецензируемой монографии в прояснении обстоятельств рождения и первых шагов российского либерализма. Но тема раннего русского либерализма этой ценной монографией не закрыта – да автор и не ставит перед собой такой задачи. Будущим исследователям придётся укреплять достигнутую уверенность в существовании необычного, но тем не менее «настоящего» либерализма в России середины XIX в.: исторический контекст, социокультурная среда, интеллектуальная динамика и институционально-ментальные тонкости производства раннелиберальных идей в России нуждаются в дальнейшем тщательном и скрупулёзном изучении, описании и обобщении.

И.В. Нарский

Примечание

¹ Вопросы истории. 2012. № 6. С. 166–168.